

РУССКО-ЯПОНСКАЯ ВОЙНА: ВЗГЛЯД ИЗ САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ

Судьба и история России связаны преимущественно с военными событиями. Россию можно назвать «державой-воином». Войны приходили отовсюду: с Запада, с Востока, с Юга. Большие, многолетние, скоротечные, победные, с тяжелыми поражениями и потерями, безрезультатные.

Русско-японская война в этом ряду войн стоит особняком. Ее влияние на дальнейшие исторические события сложно переоценить. Постоянные поражения на театре военных действий послужили катализатором первой русской революции 1905 – 1907 гг. и явились первым проявлением системного кризиса, охватившего Российскую империю в начале XX века. Военные, экономические и политические причины поражения в войне с Японией достаточно подробно изучены в историографии. Но существует еще одна, субъективная причина поражения в войне – отношение к ней провинциального общества, которая остается малоизученной. Без исследования восприятия русско-японской войны населением провинции невозможно полное понимание причин поражения в войне с Японией, а соответственно, и последующих исторических событий, так как сформировавшийся в провинциальном обществе образ русско-японской войны оказал значительное влияние на принятие властью решения о ее окончании. Для достижения законченности исторической картины имеет смысл сосредоточить внимание на определенном регионе. В данном исследовании таким регионом стала Самарская губерния, которая, однако, не может рассматриваться изолированно от других территорий Российской империи.

Для самарского общества война с Японией стала полной неожиданностью. Ничто не предвещало войны. Российское правительство и дипломатия держали население страны в полном неведении о событиях на Дальнем Востоке.

Подавляющая часть населения Самарской губернии ничего не знала о Японии и дальневосточном кризисе. Меньшая же его часть, которая имела доступ к столичной прессе, также находилась в недоумении, так как в печати появлялись статьи о Японии, о противоречиях русских и японских интересов в Манчжурии, но ни в одном издании возможность войны не обсуждалась. Все имеющиеся сведения, преимущественно из иностранных источников, были крайне противоречивы. В местных же изданиях, например, в «Самарской газете», «Самарских губернских ведомостях» первые сведения о

Японии появились только после начала войны. И за день до войны «Правительственный вестник», извещая о разрыве дипломатических сношений с Японией, разъяснял, что этот факт еще не означает начала войны и что стараниями дипломатов все может уладиться. Даже год спустя, говоря о начале войны с Японией, «Адрес-календарь Самарской губернии» повторял этот тезис: «Хотя перерыв дипломатических сношений вовсе не означал открытия военных действий, но японское правительство в ночь на 27 и затем в течении 27 и 28 января, совершило целый ряд возмутительных нападений на русские военные и коммерческие суда».¹

И в результате подобной тактики, по выражению Н. А. Шишкова на заседании Самарского губернского земского собрания, «Важные события на Дальнем Востоке захватили нас врасплох».²

Известие о начале войны всколыхнуло Самарскую губернию. Никто ее не ждал, огромное большинство населения имело самое смутное представление о Манчжурии. Но всюду почувствовали: на Россию напали и надо дать отпор врагу. В начальный период войны это настроение преобладало. Сразу же общественность Самарской губернии отправила в столицу верноподданнические адреса и выделила крупные суммы денег на нужды войны, уверяя Государя Императора в своей готовности бороться с врагом и защищать Отечество до последней капли крови и негодуя на дерзкого и коварного врага.

Так, 28 января 1904 г. Самарская Городская Управа докладывала Самарской Городской Думе: «Высочайшим манифестом, данным в 27 день сего января, объявлена война Японии, проявившей неприязненные действия против России, не дождавшись ответных последних предложений Императорского Русского правительства. В виду сего, городская управа считает благовременным повергнуть к стопам Его Императорского Величества верноподданнические чувства беспредельной преданности граждан города Самары, готовых на всякие жертвы, которые могут потребоваться на защиту Царя и Отечества событиями войны и ассигновать из городских сумм 25 000 руб. в непосредственное Ея Императорского Величества Августейшей Покровительнице Общества Попечения о раненых и больных воинах распоряжение, предоставив их при особом адресе».³

По предложению председателя Самарского земского губернского собрания А. А. Чемодурова Самарское земство также послало Всеподданнейший Адрес и ассигновало 25 000 руб. в распоряжение «Красного Креста».⁴

Самарская мещанская управа обратилась к Самарскому губернатору А. С. Брянчанинову с просьбой переслать императору Всеподданнейший адрес и выделила 10 000 руб. семействам погибших воинов на русско-японской войне.⁵

Выделяя столь крупные суммы на неожиданно начавшуюся войну, самарское общество желало знать, ради чего Россия воюет. Русское правительство пыталось объяснить цели и причины русско-японской войны. Однако, формулировки были крайне неопределенны и расплывчаты.

В начальный период войны ее причины усматривали в коварстве Японии: «Вся ответственность за войну падает на Японию. Россия не желала воевать и хотела мирным путем уладить возникшие недоразумения. Поводом для начала войны послужили притязания Японии на Корею и надменные требования у России очистить занятую нашими войсками с согласия всех держав, китайскую провинцию Манчжурию. Страна Восходящего Солнца желала, во что бы то ни стало, воевать с Россией. Япония, как это всем известно, давно вралась в бой с Россией, давно готовилась к этому».⁶

В первые месяцы войны в условиях патриотического подъема и негодования вероломством противника такая мотивация удовлетворяла общество. В «Самарской газете» говорилось о необходимости «поддержать честь русского оружия и постоять грудью за матушку Русь»⁷ и «отстаивать грудью нашу государственность».⁸ А на заседании Самарской городской управы причины войны определялись необходимостью «отстаивать законные права России на Востоке от недопустимых притязаний и коварных нападений врага»,⁹ ответственность же за начало войны перекладывалась на Японию: «Россия войны не желала, не хотела допустить даже возможности её».¹⁰ Настроение самарского общества в это время лучше всего отразила «Иллюстрированная летопись русско-японской войны»: «Смирясь перед неисповедимыми путями промысла Божьего; Россия как один человек, понесет все - жизнь, силы, средства - на служение царю, на защиту Родины».¹¹

Для неграмотного населения, впервые услышавшего о Японии, с первых дней войны выпускались лубочные плакаты. В них объяснялось, где находится Япония, что за люди и как в ней живут, кто в ней правит, интересы России на Востоке и многое другое. Мотивация войны в них также крайне неопределенна и размыта. Легче всего причины войны можно было объяснить через лубочные плакаты — аллегории. Наиболее показателен плакат «К войне России с Японией».¹² На нем изображена Россия, в виде молодой красивой женщины. Япония представлена в виде огнедышащего дракона (змея). Таким образом подчеркивалось, что православная Россия ведёт войну с дикими язычниками.

Определенное представление о японцах как противниках навязывалось обществу периодической печатью. В Самарской губернии мнение о японской армии формировалось на основе воспомина-

ний Горчакова, написанных за пятьдесят лет до начала войны. Самарские газеты, не имеющие представления о реальной ситуации в Японии, представляли его воспоминания, как существующее положение дел: «Японские воины мало восхитили Горчакова: «Ужели это солдаты? Посмотрите, что это такое: взятые на подбор поменьше ростом, японцы в маленьких, в форме воронки, лакированных шапках с сонными глазами. Они стояли, откинувшись корпусом назад, ноги врозь с согнутыми коленями. На плечах у них, казалось, были ружья: надо подозревать так, потому что сами ружья были спрятаны в чехлах. А может были одни чехлы без ружей».¹³

Страницы самарских газет пестрели заявлениями, что японцы изначально вероломны, коварны и подлы. Исходя из своей подлой натуры, «низкий враг России коварно, из-за угла, под прикрытием ночи, предательски напал и таким началом нарушил самые простые требования международного права».¹⁴ Этот штамп стал общепринятым. Его использовали все периодические издания и лубочные плакаты. Естественно, что и население губернии воспринимало японцев таким образом. Так, врач Бугульминского уезда Н.В. Жданов называл японцев «коварным врагом».¹⁵ В печати постоянно подчёркивался тот факт, что японцы — язычники и поклоняются Лисе, — хитрому, изворотливому животному, служащему Кривде — в противовес русским, живущим по Правде. Поэтому многие крестьяне жертвовали иконы и кресты «на одоление врага и супостата».¹⁶

Обобщенный образ японца дает лубочный плакат «К войне Японии с Россией»:

Живя веками на обмане,
Молясь языческим богам,
Японцы плохо понимают
Слова: «любовь», «страданье», «кровь».
Коварство доблестью считают —
Против друзей, против врагов.¹⁷

Японский солдат в изложении самарской периодической печати похож на сморщенную обезьяну, труслив, нестойк, крайне капризен в быту. В описаниях сражений все стычки заканчивались бегством японцев. Их кавалерия «ретировалась пешком»,¹⁸ а солдаты были «переколоты, перестреляны или утонули».¹⁹ Чтобы заставить русских прекратить огонь, японцы «в критические моменты боя выбрасывали свои национальные флаги, издали весьма напоминающие флаги Красного Креста, что заставило противников на время прекратить огонь».²⁰

Даже проявленная японцами храбрость подавалась как проявление тупого фанатизма: «Некоторые из атак японских миноносцев были прямо фанатичны. В случае гибели судов, команда отказывает-

ся от всякой помощи. Японские моряки распарывают себе животы и отталкивают тех, кто хочет спасти их».²¹

В противовес японцам периодические издания подавали русского солдата как самого лучшего солдата в мире, которому нигде нет равных и с которым невозможно сражаться. Постоянно подчеркивалось, что русский солдат — это «Божий воин», а русская армия, по выражению Преосвященного епископа Самарского Константина, — «христоролюбивое воинство»,²² то есть русские воюют за «правое» дело, за веру, исполняя свой долг перед Отечеством.

Русский солдат, в изображении печати, смел и отважен. Он никогда не унывает, никогда не падает духом и в любой момент может «нагреть» японцу нос, даже во время боя он позволяет себе подсмеиваться над противником. С театра военных действий постоянно неслись телеграммы от офицеров, уверяющие в том, что «каждый солдат Бузулукского полка доблестно выполняя свой долг Царю, Отечеству, неся им нераздельно безгранично свое единственное достояние — жизнь. Убежден, при таком решении маньчжурской армии скоро сломит врага упорство».²³

Русский же офицер честен, смел и отважен. Он следует рыцарским правилам ведения войны, согласно которым «боевые действия ведутся только против армии противника»,²⁴ а не против мирного населения. Русский офицер проявляет истинное милосердие и не способен на бессмысленные разрушения и жертвы. В этом плане показательна телеграмма капитана Рейценштейна, напечатанная всеми, без исключения, газетами и журналами: «29 утром уничтожил пароход, сняв 41 человека. В это время подошел маленький пароход, за свежестью шквала людей снять не мог, потому пароход этот не потопил».²⁵

Постоянные отступления и поражения самарские газеты объясняли сильно превосходящими силами противника, успокаивая, что русскую армию не разбили, а «наши войска в течении дня задерживали наступление, затем под напором больших сил и страшного огня в полном порядке последовательно отходили к задней позиции».²⁶ Проигранные сражения объявлялись «величайшей победой русского духа» и, хотя армия была вынуждена отступать, «японцам не удалось помешать сосредоточению больших сил до наступления весны. Русские сделали бесплодную стратегию японцев».²⁷

В условиях первых поражений назначение А.Н. Куропаткина главнокомандующим русской армией было восторженно принято обществом. Вся русская печать, многочисленные лубочные плакаты, все и всё указывали на генерала Куропаткина как на лучшего вождя для формируемой армии. В Самаре проезжающего в Манчжурию А.Н. Куропаткина, так же как и в других городах, торжественно

встречали. Для его встречи Самарская городская Управа заказала в Москве ювелиру Хлебникову икону покровителя города Самары Свяtitеля Алексия митрополита Московского, потому что «самым симпатичным и отвечающим моменту события, выразителем чувств граждан города Самары Городская Управа считает поднесение Его Высокопревосходительству при особом адресе иконы покровителя города Самары Свяtitеля Алексия митрополита Московского».²⁸

Это представление о русской армии было принято населением Самарской губернии, но в добавление появилось мнение о крайне скверном снабжении русской армии, хотя столичная пресса уверяла в обратном. В Самаре бытовала уверенность, что русским воинам не хватает обмундирования и продуктов. Самарское губернское земское собрание прямо высказалось: «Что касается одежды наших воинов, то она в высшей степени плоха, даже и у офицеров, а о солдатах и говорить нечего. Многие из них ходят в китайских ошметках и нашу армию японцы называют «рваньей».²⁹

Самара быстро откликнулась на такую беду армии. Иван Ржанов 9 февраля 1904 г. предлагал вице-губернатору Кондоиди организовать отправку на Дальний Восток пищевых продуктов: «На войне с Японией защитникам нашего Отечества придется переносить временами и холод, и голод, за могушим быть отсутствием кухонь и горячей пищи, поэтому должен быть запас всякого пищевого продукта Я обращаюсь прежде всего к удовлетворению пищевыми продуктами сражающихся воинов и нахожу, что заготовление в Самаре баранок и кренделей, где их мастерски изготовляют пекари, было бы чрезвычайно удобно для отправки на Дальний Восток. К этому надо добавить запас пиленого сахара».³⁰ Крестьяне делали добровольные и безвозмездные поставки коней для нужд армии.³¹

В итоге, в Самаре под председательством Н. Г. Кондоиди был учрежден специальный Комитет, который принимал пожертвования различными вещами и снабжал проходящие на Дальний Восток войска теплой одеждой, продовольствием и другими необходимыми для солдат предметами.³²

Не менее популярным был и русский морской флот. После нападения японской эскадры на русский флот в Порт-Артуре и на крейсер «Варяг» в Чемульпо началась массовая кампания по пропагандированию мужества русского флота. Все газеты писали о «мужестве наших моряков», для крестьян издавали лубочные плакаты, повествующие о подвигах «молодцов-моряков» и кораблей русского флота. С марта 1904 г. в Самаре продавались открытые письма с видами судов Тихоокеанской эскадры, присланные из Кронштадта капитаном II-го ранга Н. Н. Апостоли.³³

И в результате в Самаре было создано местное отделение Особого Комитета для сбора пожертвований на усиление русского флота. Этот комитет был самым популярным среди населения Самарской губернии. На усиление русского флота жертвовали представители всех сословий. Самые большие суммы жертвовали самарские купцы: Л.С. Аржанов пожертвовал 5000 рублей, А.Н. Шихобалов — 5000 руб., И.Г. Курлин — 2000 руб., А.И. Петров — 500 руб. и многие другие купцы. Жертвовали дворяне, и даже крестьяне на волостных сходах решали пожертвовать на усиление русского флота по 200 — 500 руб.³⁴ Как было написано в годовом отчете этого комитета: «Необходимость иметь для России сильный флот в Тихом океане сознавалась до начала войны лишь немногими. Но грянули грозные события в Порт-Артуре и Чемульпо и в один миг русский флот, до того времени мало обращавший на себя внимание общества и признаваемый подчас излишней для России роскошью, сделался дорогим русскому сердцу».³⁵

Первые сражения сопровождалась многочисленными жертвами. Для помощи «тем жертвам войны с Японией, которые при эвакуации с Дальнего Востока будут поступать в существующие и вновь открываемые в Самаре военно-врачебные заведения» 29 февраля 1904 г. было учреждено особое попечительство. Его председателем был выбран генерал-майор А.В. Сергеев. Деятельность попечительства выразилась в распространении сведений о его образовании, путем различных публикаций в местной газете и рассылке воззваний, в сборе пожертвований, в заготовке белья для больных и раненых, в изыскании средств для изыскания и расширения летнего помещения военного лазарета.³⁶

К сбору средств на военные нужды подключились и земства. Они устраивали врачебно-продовольственные пункты и эвакуационные баржи-лазареты.³⁷ Для продуктивности работы земств была создана общеземская организация во главе Д.Н. Шиповым.³⁸ Вошедшие земства жертвовали в нее значительные суммы. Так, 6 ноября 1904 г. они ассигновали 553 000 рублей, из них Самарское земство пожертвовало 50 000 рублей.³⁹ Кроме того, 14 земств (в том числе и Самарское) сформировали 21 санитарно-врачебный отряд,⁴⁰ которые в течении мая 1904 г. выехали в Манчжурию.⁴¹

В Самарской губернии заботились и о семьях погибших воинов. Пособия выделяли общества, к которым они были приписаны. Самарское земство выделило 325000 рублей на помощь семьям погибших.⁴² Пособия платили Дворянское собрание, мещанская управа. После издания Высочайшего Манифеста от 11 августа 1904 г. об обеспечении судьбы детей погибших в войну с Японией был

создан Самарский губернский комитет по призрению детей и лиц погибших в войну с Японией в 1904 г.⁴³ На его содержание Самарская Городская Дума выделяла средства в течение 15 лет.⁴⁴

Правительство и общественные организации постарались поддержать настроение общества. Были собраны средства для поддержки семейств погибших героев на крейсере «Варяг». В память мичмана графа Алексея Нирода, убитого в бою под Чемульпо для раздачи пособий семьям погибших с ним на крейсере «Варяг» нижних чинов поступило 2635 руб. В Самарской губернии из них были выплачены средства жене квартирмейстера Ивана Павловича Костина, убитого на крейсере «Варяг» Матроне Михайловне в размере 49 руб. 75 коп.⁴⁵ и отцу Гавриила Тихоновича Миронова.⁴⁶ Ко дню праздника Рождества Христова Комитет по распределению поступающих пожертвований в пользу семейств нижних чинов, погибших на Дальнем Востоке уделил вдове Костиной на трех детей по 5 руб.⁴⁷ А к годовщине боя «Варяга» 26 января 1905 г. Комитет по распределению поступающих пожертвований в пользу семейств нижних чинов, погибших на Дальнем Востоке выплатил единовременное пособие М. Костиной 275 руб. и Миронову 80 руб.⁴⁸

Постоянно служились молебны, с провозглашением «многолетия христоробивому русскому воинству, доблестным воинам».⁴⁹

Тем не менее, затянувшаяся война требовала объяснения её причин и целей. Неопределенная официальная мотивация перестала удовлетворять самарских жителей. Поэтому появилось множество различных версий, объясняющих начавшуюся войну. В Самаре самой распространенной была версия о новой «азиатской волне» и исторической миссии России остановить ее. В годовом отчете самарского отделения «Красного Креста» четко проводилась эта линия: «На рубеже земли русской совершаются великие мировые события и первый прибой новой азиатской волны опять принимает наша родина».⁵⁰ Лубочные плакаты пытались объяснить русско-японскую войну более бытовыми мотивами: жадностью японцев и их желанием обворовать Россию. Столь неопределенная мотивация обростала нелепыми слухами и домыслами. Например, среди крестьян ходили слухи, что война идет из-за какой-то иностранной земли, необходимой хохлам или золотого острова посреди «морья-океана», который продала России китайцы и по навету «англичанки» не хотят отдавать.⁵¹ Подобные домыслы лишали войну ореола справедливости и подрывали моральную готовность населения Самарской губернии к длительной войне.

Постоянные отступления в 1904 г. никак не сказались на репутации А. Н. Куропаткина как военачальника: «События последних дней

отнюдь не привели в уныние русских, напротив того, они послужили к укреплению веры в избранного ими военачальника, т.к. не подлежит сомнению, что генерал Куропаткин является единственным лицом, которое избрало бы большинство, ибо он в тяжелом положении имел мужество поступить согласно своему убеждению, приказав войскам отступить в виду презираемого ими врага».⁵²

И даже после поражения под Мукденом самарские дворяне послали ему сочувственную телеграмму: «Самарское дворянство, собравшись в экстренное собрание, приветствует вас, вождя нашей доблестной армии и памятуя ваше слово о терпении, твердо уповает на конечную победу храбрых войск, вверенных Вашему Высокопревосходительству. Самарское дворянство видит в Вас свою надежду и молит Бога, да сохранит он драгоценное здоровье ваше и поможет вам в одолении упорного и хитрого врага».⁵³

Веру в русскую армию и ее главнокомандующего поддерживала и героическая оборона Порт-Артура. «Самарская газета» заявляла о невозможности для японцев взять Порт-Артур: «Словом, чем дальше, тем круче выясняется бесплодность усилий японцев взять Порт-Артур».⁵⁴ Все настолько привыкли к тому, что крепость и ее «героические защитники» каким-то чудом держатся, что ее падение стало шоком. Но даже сдачу японцам Порт-Артура объясняли не бездарностью и предательством генерала Стесселя, а невозможностью продолжать оборону в условиях полной блокады, кончившихся боеприпасов и другими подобными обстоятельствами.

Самарская Городская Дума оценила падение крепости следующим образом: «Думе известно, что мощная твердыня на Дальнем Востоке умерла геройской смертью. Там же, у подножия русской твердыни, в волнах желтого моря, омывающего берег новых русских владений, похоронены лучшие суда, посланные как генерал Стессель с его храбрым гарнизоном, защищать право и честь России, умершие не в боевой схватке, а замученные вынужденным бездействием. Трудно найти перо или кисть, способные изобразить то горе, которая испытала вся живая Россия при мысли о падении Порт-Артура, кто сможет выразить ту скорбь по славным русским борцам, сложившими свои кости под разрушенными стенами крепости, павшей не от недостатка героизма и храбрости, не от неготовности умереть за родину, а потому что эти неприступные для оружия гранитные стены, как со стороны моря, так и со стороны суши охватила мертвым кольцом рать, посланная народом, что сила в знании, в праве, в свободе совести и слова».⁵⁵

Тем не менее, падение Порт-Артура стало переломным моментом. Постепенно в Самарской губернии перестают верить в преимущество русской армии и в конечную победу над врагом. Официоз-

ный «патриотический» всплеск оказался кратковременным и вскоре сменился недовольством, охватившем как широкие круги образованного общества, так и народные массы.⁵⁶

Либеральная пресса пестрела недоуменными восклицаниями уже к осени 1904 г.: «В сущности, трудно понять, чего к нам привязалась Япония, когда правительство наше делало все усилия, чтобы избежать конфликта».⁵⁷ В Самаре стала популярной версия, что правительство начало войну, чтобы отвлечь внимание от внутренних нужд, которую отчаянно пытались опровергнуть в газетах: «Если бы война была бы каким-то плебейским пластырем, посредством которого возможно приглушать боль внутренних недугов и отвлекать общественный интерес от собственных нужд, как было бы легко государству создать себе иллюзию благоденствия: объявил войну соседу и вся недолга. Но, к сожалению, эта странная панацея общественных нужд нигде себя не оправдала. Русское государство никогда ещё не вело войны с целью оттянуть ею общественное внимание от внутренних государственных задач и военные громы на дальних окраинах никогда не препятствовали русской жизни идти и развиваться своим чередом, усваивая и упорядочивая дом свой».⁵⁸ Крестьяне выдвинули свою версию, они считали, что русско-японская война — это наказание Божье, кара за грехи.

Начавшаяся в столице кампания по выявлению причин и целей русско-японской войны и истинных виновников была подхвачена и в Самаре. Однако никто открыто не говорил о вине русского правительства, все апеллировали к суду истории. Так высказалась и Городская Дума: «Судить и указать по чьей вине русский народ переносит тяжелые испытания, кто должен ответить перед совестью и перед Богом за пролитую человеческую кровь - дело истории».⁵⁹

Ответы на эти риторические вопросы давали политические партии. В Самарской губернии с самого начала против русско-японской войны выступили самарские комитеты РСДРП и социалистов-революционеров. Они постоянно разъясняли, что ведётся не оборонительная справедливая война, а война завоевательная, ненужная русскому народу: «Не для защиты Отечества ведётся эта война. Никто не напал на русскую землю. Манчжурия не русская земля и не нужна она русскому народу. Манчжурия нужна министрам, генералам, царским сановникам, великим князьям, которые во главе с царем властвуют над Россией».⁶⁰ В 1905 г. они в унисон говорили об ответственности царя и русского правительства за кровопролитную, позорную войну: «Только царским чиновникам и приспешникам понадобилось наседать на Японию, довести её до крайности, заставить её взяться за оружие».⁶¹ «Кто виноват во всех бедствиях

народа? Виноват тот, кому это выгодно. А выгодны они опять все тому же ненавистному самодержавному правительству, по горло купающимся в крови народной».⁶²

В результате в Самарской губернии началось массовое недовольство русско-японской войной. Крестьяне, которых призывали из запаса и везли в Манчжурию, говорили: «Какое нам дело до всей этой войны?»⁶³ — в справедливость которой они уже не верили, а причин и целей никогда не знали: «Началась русско-японская война. Из-за чего, как и когда началась война — крестьяне не знали. Знали лишь то, что сынов, отцов, мужей забрали, услали куда-то на Дальний Восток. Значит где-то есть война».⁶⁴

Даже в Самарском дворянском депутатском собрании, являвшимся оплотом царской власти, на чрезвычайном съезде 29 января 1905 г. при обсуждении Всеподданнейшего Адреса мотивация о «защите Отечества достоинства дорогой родины» вызвала серьёзные возражения части дворян, и в окончательном варианте Всеподданнейшего Адреса дворяне обошли этот вопрос и просто упомянули о «тяжелейшей године, переживаемой нашей родиной».⁶⁵

Таким образом, официальная мотивация русско-японской войны больше не устраивала самарское общество. Для успешного ведения этой войны российское правительство должно было найти более действенные формулировки, обосновывающие необходимость продолжения русско-японской войны. Однако, этого не было сделано. И в Высочайшем Манифесте по случаю падения крепости Порт-Артур официальная мотивация была всё так же неконкретна и абстрактна: «В неисповедимых путях Господня Отечеству нашему были посланы тяжёлые испытания и бедствия кровопролитной войны. Кровопролитная война на Дальнем Востоке за честь и достоинство России и за господство на водах Тихого океана, столь существенно необходимого для упрочения в долготу веков мирного преуспеяния не только нашего, но и иных христианских народов».⁶⁶

Эту же тенденцию отмечал и самарский губернатор Д.И. Засядко. В марте 1905 г. он обеспокоено замечал, что в Бугурусланском уезде настроение крестьян тревожное: «Среди них ходят толки, высказывается недовольство против войны с Японией, начальствующих лиц называют ворами и изменниками».⁶⁷ Распространявшиеся слухи о новой мобилизации также способствовали накоплению недовольства.⁶⁸ Начались попытки всеми способами уклониться от отправки на фронт. Воинский начальник Самарского гарнизона доносил, что «вследствие мобилизации частей гарнизона является так много больных, что они не вмещаются во врачебные заведения военного ведомства».⁶⁹ Участились случаи беспорядков, которые устраивали нижние чины, следующие на театр военных действий. Так, во время

стоянки на станции Похвистнево 286 нижних чинов вскрыли 4 товарных вагона, разбили ящики с пряниками и бочку с самоварной мазью, часть груза украли. А в поселке Кинеле нижние чины, отправившись за водкой, разгромили винную лавку.⁷⁰

Даже в успех «героического подвига» II Тихоокеанской эскадры адмирала Рожественского уже никто не верил. Появились публикации, что эта эскадра намного слабее японской эскадры адмирала Того. Максимальные надежды жителей провинции выражались в том, что «Рожественский может много нанести вреда противнику, дезорганизовать его и нанести ему такие же потери, какие понесет его собственная эскадра в безжалостном морском бою. То, что останется от судов после этого испытания достигнет потом Владивостока и составит вместе с тремя крейсерами, которые имеются на этом месте, подвижную оборону, необходимую для защиты этого места. Такова главная программа».⁷¹ И «разгром русского флота» у Цусимы стал последней каплей терпения. Все признавали, что «поражение эскадры Рожественского в Цусимском проливе, могущие быть от него последствия так серьезны и важны, что никто из русских людей не в силах быть спокойным и не волноваться».⁷² Окончательно разрушились всякие надежды на благоприятный конец войны, ибо окончательный исход ее зависел от победы на море.⁷³

Началась целая кампания против командного состава армии. В деревнях распевались куплеты, высмеивающие генерала Куропаткина и других командующих.

Куропаткин генерал

Все иконы собирал

И приехал за Байкал,

*Точно церковь обокрал.*⁷⁴

Соответственно изменился и образ японского солдата. Он стал восприниматься ловким, сильным, выносливым, втянутым в работу. Он привычен к горам, умеет применяться к местности. «Японский офицерский корпус в высшей степени трудолюбив, старателен и непритязателен в своих привычках, вследствие чего, как и японский солдат, он оказался на высоте своего призвания».⁷⁵ Оказалось даже, что язычникам - японцам не чуждо и рыцарское великодушие, и даже милосердие, черты, которые до сих пор считались почти исключительно принадлежностью христианских наций. Бороться с таким врагом априори стало невозможно. Во всех газетах соотношение убитых японцев и русских стало 1:4 в пользу японцев.⁷⁶

И в результате негативный образ врага в сознании жителей Самарской губернии стал позитивным. 7 января 1905 г. на заседании Самарской Городской Думы японцы названы «народом, познавшим, что сила в знании, в праве, в свободе совести и слова».⁷⁷ А

Самарское земство охарактеризовало японцев: «внешним врагом, врагом мощным во всеоружии просвещения, преобразований военных, государственных и общественных, во всеоружии единения правительства и народа, одухотворенного плодами западноевропейского просвещения».⁷⁸

Недовольство русско-японской войной вылилось в требование мира по всей стране. Мира требовали на страницах газет, мира требовали политические партии: «Требуйте мира! Слишком дорого уже стоит русскому труждающемуся люду неведомая и ненужная ему Манчжурия».⁷⁹ После поражения II Тихоокеанской эскадры адмирала Рожественского провинциальное общество активизировало свои действия и стало обращаться напрямую к Царю, советуя ему побыстрее заключить мир. Так, Самарской Городской Думой 24 мая 1905 г. на заседании обсуждался вопрос о русско-японской войне: «Неудачная и несчастная война с её начала и до настоящего времени взяла массу живых народных сил и средств и в будущем, если не будет прекращена, грозит русскому народу еще большими несчастьями и бедствиями. Вопрос о том, скоро ли настанет этой жестокой войне конец, с каждым днем делается все более мучительным, поэтому Думе следует по примеру других городов обратиться по телеграфу к Его Императорскому Величеству Государю Императору и Министру Внутренних Дел с ходатайством о скорейшем созыве народных представителей как для решения вопроса о скорейшем прекращении войны, так равно и для разрешения других государственных вопросов».⁸⁰ Данное предложение было принято Городской Думой единогласно.

Из провинции было написано письмо, списки которого ходили по Самарской губернии, к Петербургскому митрополиту Антонию, в котором анонимный автор просил его поспособствовать заключению мира и скорейшему окончанию несправедливой войны: «Владыко, посоветуйте Царю мир заключить, - барыша больше будет для России, ведь на войну идут, начиная от солдата и до генерала не с охотой. Прежде войну люди считали делом Божьим, а теперь уразумели — это алчность правителей вот истребляют сотни тысяч народа и миллионы денег. Пусть Царь разошлет листочки по городам и сёлам, кто желает войны, а кто мира и моё мнение, можно наверняка сказать, что большее количество подпишут мир. Хотя много возьмёт японец с нас, но заключить мир барыша будет больше».⁸¹

На страницах газет и журналов, не таясь, обсуждались условия, на которых возможно было бы заключить мир и приемлемость тех или иных уступок победоносному врагу. Варианты были различны. Наиболее проправительственная версия требовала непозорного мира на следующих условиях:

1. Восстановление всего того положения в Манчжурии, которое занимала Россия перед войной;
2. Уплата Японией всех издержек, включая сюда и стоимость нашего погибшего флота.⁸²

Самарское земство тоже призывало к почетному миру: «Да окончится война скорым и почётным миром».⁸³

Наиболее же радикальные авторы предлагали отдать Ляодунский полуостров, Порт-Артур, Дальний, Южную Манчжурию, а в случае необходимости, Владивосток и уплатить контрибуцию Японии в счет расходов на ведение войны. «На каких условиях Россия может заключить мир. Порт-Артур, Ляодунский полуостров, южная Манчжурия потеряны для нас. Но на что они нам? Токийское правительство требует возмещения всех расходов и убытков. Скрепя сердце, надо будет их удовлетворить».⁸⁴

Так же думали и политические партии. Самарский комитет РСДРП призывая отдать Японии Манчжурию и заплатить контрибуцию ради скорейшего заключения мира, объяснял, что «мир не может быть постыден для русского народа. Правительство начало войну против его воли; оно отвечает за поражения и неудачи; на его голову падает весь позор».⁸⁵

Подобные версии пытались объявить малораспространенными, не пользующимися поддержкой народа: «О мире во что бы то ни стало, конечно никто из истинно русских людей не помышляет. О нём могут говорить лишь уроды, к сожалению имеющиеся в каждой семье».⁸⁶ В советской историографии подчеркивалось, что после «Кровавого воскресения» 9 января 1905 г. крестьяне перестали верить в «Царя-батюшку» и массово стали выступать против него и против русско-японской войны.⁸⁷ В современной литературе эту точку зрения поддерживает А. С. Ахиезер.⁸⁸ Однако, тезис о том, что большинство населения, в том числе крестьяне, последовав за Российской социал-демократической рабочей партией, хотели мира на любых условиях, опровергается многочисленными Всеподданнейшими адресами Царю, отправленными из Самарской губернии уже после «кровавого воскресенья», в которых высказывалась готовность идти за Царя-батюшку и Русь-матушку до последней капли крови. В Адресе от мещан и крестьян Николаевского уезда говорилось: «Даже у нас, в степном краю в первых числах декабря прошлого года разбрасывались по улицам какие-то бумаги, вроде газеты, только рукописные, к чему война, да на что Царь и начальство, да все такая чушь, что не приведи Бог больше встречать. Великий Государь наши братья проливают кровь на Дальнем востоке с врагом внешним, а мы готовы положить свой живот за Царя-батюшку».⁸⁹ «Крестьяне лягут костями, не только пред коварным врагом — Японцем, но и

пред своим вором - мятежниками». ⁹⁰ «Сумеем за нее (матушку – Русь – Е.С.) и за Тебя Царь-Батюшка пожертвовать не только своим имуществом, но и своею жизнью до последней капли крови». ⁹¹ И хотя крестьяне и просили даровать мир, но верили в победу и в случае необходимости готовы были воевать и дальше, особенно, услышав, что вся тяжесть контрибуции падет на крестьян.

Но, несмотря на такие настроения крестьян, российское правительство не сумело ими воспользоваться. И в условиях продолжающейся агитации партий, призывающих отказываться от призыва в действующую армию, полного молчания власти и разгорающейся смуты крестьяне впали в общую струю недовольства войной.

Поражение при Мукдене и Цусиме, массовое недовольство войной и внутренние беспорядки делали невозможным продолжение войны. Начавшиеся переговоры о мире обсуждались по всей стране. «Я уверен, что переговоры будут успешны. Общественное мнение в России и Японии расположено в пользу мира, который должен быть заключён как в материальных интересах, так и в интересах гуманности. С обеих сторон погибло 57000 человек, из них Россия потеряла 37000 человек. Япония очевидно должна получить контрибуцию». ⁹² «Японские газеты обсуждают возможность мира. Асахи заявляет, что Япония вполне сознает способность продолжать войну на суше, но если Россия решит это сделать, то она даст Японии нанести более тяжёлые удары и в конце концов русская армия будет уничтожена, как и русский флот». ⁹³

Условия заключенного в Портсмуте мира были приняты достаточно спокойно. Проправительственная пресса пыталась поднять шум против тяжелых условий мира, возложив вину за них не на правительство, а на Англию, поддерживавшую Японию новым союзом и на Витте, проглядевшего истощение японцев и нарушившего волю царя. Они говорили о недолговечности мира, потому что, «нельзя не видеть, что в самом деле, иным он быть не может, так как ставит Россию в положение противоположное природе вещей и с каким не может примириться ни одна великая держава». ⁹⁴ Либеральной печатью мир был воспринят положительно и многие выражали надежду, что он будет прологом возрождения и обновления России. Большевики расценили Портсмутский мир как «позорный конец позорной войны». Для населения Самарской губернии окончание войны прошло незаметно. Высочайший манифест по случаю заключения мира с Японией был напечатан на первой странице только в «Иллюстрированной летописи русско-японской войны», ⁹⁵ в остальных журналах и газетах либо на последних страницах, либо и вовсе пропущен, заслоненный начавшейся революцией. Мир не

давал почвы ни для ликования, ни для возмущения, и в Самаре в водовороте событий быстро забыли о войне.

И вновь вспомнили о русско-японской войне лишь в 1906 г. с появлением вальса И. Шатрова «На сопках Манчжурии», который по своей популярности долгое время не имел себе равных.⁹⁶ Впервые он был исполнен оркестром Мокшанского полка, расквартированного в Самаре, в Струковском саду. В вальсе подчеркнут героизм русских солдат, павших за отчизну. Это плач русского народа по павшим воинам. Такой и осталась в памяти самарцев русско-японская война.

Примечания:

1. Адрес-календарь Самарской губернии на 1905 г. Самара, 1905. С. 179.
2. ГАСО. Ф. 5. Оп. 12. Д. 230. Л. 10б.
3. ГАСО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 170. Л. 45.
4. ГАСО. Ф. 5. Оп. 12. Д. 230. Л. 10б.
5. ГАСО. Ф. 217. Оп. 1. Д. 356. Л. 70.
6. Адрес-календарь Самарской губернии на 1905 г. С. 178 – 179.
7. Самарская газета. 1904. 9 июня.
8. Самарская газета. 1904. 4 марта.
9. ГАСО. Ф. 153. Оп. 36. Д. 1088. Л. 68.
10. ГАСО. Ф. 153. Оп. 36. Д. 1088. Л. 76.
11. Иллюстрированная летопись русско-японской войны. (По официальным данным, сведениям печати и показаниям очевидцев). С картами, планами, портретами, изображениями боевых эпизодов, рисунками из военно-походного быта. СПб, 1904. Вып. I. С. 14.
12. Самарский Художественный музей (СХМ). Фонд «Рисунок-лубок». Инв. №13286.
13. Самарская газета. 1904. 22 февраля.
14. Адрес-календарь Самарской губернии на 1905 г. С. 178.
15. ГАСО. Ф. 3. Оп. 121. Д. 26. Л. 80; Ф3. Оп. 52. Д. 36. Л. 19.
16. ГАСО. Ф. 3. Оп. 121. Д. 26. Л. 204.
17. СХМ. Фонд «Рисунок - лубок». Инв. №13286.
18. Самарская газета. 1904. 4 марта.
19. Адрес-календарь Самарской губернии на 1905 г. С. 190.
20. Адрес-календарь Самарской губернии на 1905 г. С. 210.
21. Самарская газета. 1904. 29 июня.
22. Адрес-календарь Самарской губернии на 1905 г. С. 173.
23. ГАСО. Ф. 153. Оп. 36. Д. 1101. Л. 36.
24. Серебрянников В. В. Войны России: социально – политический анализ. М., 1998. С. 115 – 116.
25. Адрес-календарь Самарской губернии на 1905 г. С. 181.
26. Самарская газета. 1904. 29 июня.
27. Самарская газета. 1904. 17 ноября.
28. ГАСО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 170. Л. 89.
29. ГАСО. Ф. 5. Оп. 12. Д. 233. Л. 4.

30. ГАСО. Ф.153. Оп.36. Д.1088. Л.20.
31. ГАСО. Ф.677. Оп.1. Д.144. Л.14.
32. ГАСО. Ф.3. Оп.51. Д.7. Л.1; Ф.153. Оп.36. Д.1088. Л.31.
33. ГАСО. Ф.153. Оп.36. Д.1088. Л.29.
34. ГАСО. Ф.3. Оп.121. Д.26. Л.1 – 112.
35. ГАСО. Ф.3. Оп.121. Д.26. Л.199.
36. ГАСО. Ф.153. Оп.36. Д.1604. Л.1 – 10.
37. Кортаева Т.В. Помощь земств Среднего Поволжья армии в русско-японскую и Первую мировую войны // Самарский исторический ежегодник. Самара, 1993. С.58.
38. Веселовский Б.Б. История земства. Т.3. СПб, 1911. С.592.
39. ГАСО. Ф.5. Оп.12. Д.234. Л.441об.
40. Трутовский В.В. Современное земство. Пг., 1914. С.138.
41. ГАСО. Ф.5. Оп.12. Д.234. Л.438об.
42. ГАСО. Ф.5. Оп.12. Д.233. Л.6.
43. ГАСО. Ф.182. Оп.1. Д.2. Л.1.
44. ГАСО. Ф.153. Оп.36. Д.1139. Л.9.
45. ГАСО. Ф.3. Оп. 51. Д.8. Л.3.
46. ГАСО Ф.3. Оп. 51. Д.8. Л.4
47. ГАСО Ф.3. Оп. 51. Д.8. Л.42.
48. ГАСО Ф.3. Оп. 51. Д.8. Л.64.
49. ГАСО. Ф.430. Оп.1. Д.1473. Л.2.
50. ГАСО. Ф.153. Оп.36. Д.1088. Л.76.
51. Что читать народу? Критический указатель книг для народа и детского чтения. Т.III. М., 1906. С.41.
52. Самарская газета. 1904. 30 мая.
53. ГАСО. Ф.430. Оп.1. Д.1488. Л.22.
54. Самарская газета. 1904. 4 марта.
55. ГАСО. Ф.170. Оп.1. Д.173. Л.27об. – 29об.
56. Россия: государственные приоритеты и национальные интересы. М., 2000. С.191.
57. Русский вестник. 1904. №7. С.199.
58. Самарская газета. 1904. 4 марта.
59. ГАСО. Ф.170. Оп.1. Д.173. Л.30об.
60. Листовки и прокламации самарского комитета РСДРП(б). 1902 – 1917. Куйбышев, 1959. С.118.
61. Там же. С.90.
62. ГАСО. Фонд листовок. Инв. № 746.
63. Апушкин В.А. Русско-японская война 1904 – 1905 гг. М., 1910. С.35.
64. Кныш А.П. Двадцать лет тому назад // Деревня в 1905 г. (по воспоминаниям селькоров). М., 1926. С.45.
65. ГАСО. Ф.430. Оп.1. Д.1488. Л.16.
66. Русское богатство. 1905. №2. С.1.
67. ГАСО. Ф.468. Оп.1. Д.408. Л. 41 – 42.
68. Кабытов П.С., Козлов В.А., Литвак Б.Г. Русское крестьянство: этапы духовного освобождения. М., 1988. С.61.
69. ГАСО. Ф.5. Оп.9. Д.661. Л.18.

70. ГАСО. Ф.3. Оп.51. Д.11. Л.1 – 20; Ф.677. Оп.1. Д.140. Л.387.
71. Самарские губернские ведомости. 1905. 9 апреля.
72. ГАСО. Ф.170. Оп.1. Д.174. Л.80об.
73. Быков П.Д. Действия на море в русско-японскую войну // Левицкий Н.А., Быков П.Д. Русско-японская война. М. – СПб., 2003. С.605.
74. Бальзамов А. Из детских воспоминаний // Деревня в 1905 г. (По воспоминаниям селькоров). М. – Л., 1926. С.192.
75. Русское богатство. 1905. №5. С.230.
76. Самарские губернские ведомости. 1905. 3 апреля.
77. ГАСО. Ф.170. Оп.1. Д.173. Л.28об.
78. ГАСО. Ф.5. Оп.9. Д.641. Л.26.
79. Листовки и прокламации самарского комитета РСДРП (б). 1902 – 1917. С.94.
80. ГАСО. Ф.170. Оп.1. Д.174. Л.80об – 81об.
81. ГАСО. Ф.3. Оп.52. Д.1. Л.3.
82. Русский вестник. 1905. № 5. С.368 – 369.
83. ГАСО. Ф.5. Оп.9. Д.641. Л.64.
84. Русская мысль. 1905. №8. С.162.
85. Листовки и прокламации самарского комитета РСДРП(б). С.94.
86. Русский вестник. 1905. № 8. С.776.
87. Буртовой В.И., Титов И.И. Самарский гарнизон в годы первой русской революции // Самарский краевед: историко-краеведческий сборник. Куйбышев, 1990. С.139; Будаев Д.И. Смоленская деревня в конце XIX и начале XX вв. к вопросу о темпах, уровне и степени развития аграрного капитализма. Смоленск, 1972. С.443; Громыко М.М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М., 1986. С.314; Ниякий В.В. Нижегородская деревня. Облик и настроения классов в первой российской революции. Горький, 1981. С.79; Парыгин Б.Д. Общественное настроение. М., 1966. С.169.
88. Ахизер А.С. Россия: критика исторического опыта. (Социокультурная динамика России). Т.1. От прошлого к будущему. Новосибирск, 1997. С.314.
89. ГАСО. Ф.3. Оп.52. Д.36. Л.1.
90. ГАСО. Ф.3. Оп.52. Д.36. Л.17.
91. ГАСО. Ф.3. Оп.52. Д.36. Л.28.
92. Самарские губернские ведомости. 1905. 20 июля.
93. Самарские губернские ведомости. 1905. 6 июля.
94. Русский вестник. 1905. №10. С.725.
95. Иллюстрированная летопись русско-японской войны. (По официальным данным, сведениям печати и показаниям очевидцев). С картами, планами, портретами, изображениями. боевых эпизодов, рисунками из военно-походного быта. СПб, 1904. Вып. XX. С.1.
96. Бирюков Ю. «На сопках Манчжурии» // Родина. 1995. № 2. С.120.